

СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ, СЕМИОТИЧЕСКОМ, ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Е.А. Барашкина (Россия, Самара)

О СИСТЕМНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПОЛЯ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩЕГО СФЕРУ МЕНТАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ментальная сфера относится к наиболее важным и сложно устроенным системам внутреннего мира человека. При этом она недоступна чувственному постижению, лишена, по выражению Дж. Лакоффа, собственных доконцептуальных структур (образов), что и обуславливает активную роль когнитивного типа метафоры в формировании лексического поля ментальности.

Как показало проведенное нами исследование, базовыми метафорическими моделями, репрезентирующими ментальную сферу в русской языковой картине мира, являются **пространственная** (*мысль пришла, ворвалась, закралась, скачет; мысли кружатся, несутся, бродят, ползут; добираться до смысла, остановиться на мысли, подводить, подталкивать к мысли, прийти к мысли, склоняться к мысли, далек от мысли, вернуться к идее, направление мышления, научный подход и под.*) и **перцептивная** (*видеть смысл, светлый ум, прислушаться к голосу разума и под.*) модели.

Во-первых, именно эти модели при метафорической репрезентации ментальной сферы демонстрируют широкий диапазон лексического варьирования. В нашем материале зафиксировано более 200 лексем пространственной семантики и более 260 лексем перцептивной семантики, использующихся в функции ментальных предикатов.

Во-вторых, именно в рамках этих моделей чаще возникают живые, нестандартные, индивидуально-авторские метафоры. Например: *Кудасов так устает от слов на службе, что за столом становится совершенно безвредным – молчит и молчит, лишь иногда кое-что уточняет, чтобы чья-нибудь шальная мысль не забежала сгоряча слишком далеко и уж ни в коем случае не свернула за угол* (В. Орлов); *Тревожное чувство стало сильнее, ей показалось, что дверь, ведущая в подвалы подсознания и кладовую памяти, стала медленно приоткрываться, шире, шире, еще шире, вот сейчас в темное помещение хлынет поток света...* (П. Дашкова); *Мысль в эти часы бежит очень прихотливо, нехоженными тропами* (А. Куприн); *Я начал читать повесть слепым, закончил зрячим, словно катаракту вырезали* (В. Орлов); *Постараюсь ослепнуть умом, хоть на каникулы, и быть счастливым! Только ощущать жизнь, а не смотреть в нее, или смотреть затем только, чтобы срисовать сюжеты, не дотрагиваясь до них разьедающим, как уксус, анализом.* (И. Гончаров). Пространственные и перцептивные представления оказываются наиболее коммуникативно востребованными, и функционирование этих моделей характеризуется, в терминологии Н.А. Илюхиной, центробежной тенденцией, проявляющейся в разностороннем лексико-семантическом варьировании.

В-третьих, пространственная и перцептивная метафорические модели наиболее отчетливо и последовательно реализуют моделирующую и концептуальную функции, так как позволяют структурировать сферу денотата и разносторонне охарактеризовать его компоненты. В основе метафорического моделирования интеллектуальных процессов и состояний лежит экстерииоризация ментальных компонентов (мыслей, воспоминаний и т.д.), т.е. представление их в качестве квазисамостоятельных сущностей. Это позволяет прежде всего варьировать репрезентацию ментальной деятельности в аспекте субъектно-объектных отношений (*мысль пришла в голову – я пришел к мысли; обожгла мысль – погасить мысль; уяснить мысль – мысль осветила сознание; схватить мысль – потерять мысль и т.д.*).

Анализ метафорического поля, репрезентирующего сферу ментальности в русском языке, позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое лексическое поле является **внутренне цельной системой**. При этом можно выделить разные типы, или иначе, уровни системности.

С одной стороны, это парадигматические (наиболее явно - по линии синонимических и антонимических реализаций) и синтагматические отношения:

– *мысль пришла – вспыхнула – прояснилась – родилась – охватила – включилась и т.д.*;

- *мысль идет – горит – жжет – сверкает – живет – работает* и т.д.;
- *мысль ушла – потухла – остановилась – застыла – умерла – выключилась*;
- *прийти к мысли – найти мысль – поймать мысль*;
- *отойти от мысли – потерять мысль – выпустить мысль* и т.д.

С другой стороны, для формирования и функционирования ментального лексического поля оказывается принципиально важной системность другого уровня – более глубинная, обусловленная логикой формирования рассматриваемого пласта лексики, **когнитивная системность**. На наш взгляд, она проявляется в том, что устойчивыми являются связи между денотативной областью и ключевыми образами, используемыми для номинации данной сферы. Эта устойчивость обеспечивается центральной идеей, организуемой рассматриваемый метафорический фрагмент в единое целое, – **идеей контакта**:

- пространственного, материального, телесного (*прийти, подойти, приблизиться к выводу, мысли, проникнуть в суть наткнуться на мысль, впитать мудрость, сомнения охватили, догадка пронзила* и под.);
- зрительного, слухового (*увидеть смысл, всматриваться в прошлое, услышать голос разума* и т.д.).

В языковой картине мира ментальная деятельность концептуализируется как контакт человека с ментальными сущностями. Причем, семантический признак «контакт» заложен и во внутренней форме тех лексем, которые сейчас полностью или частично утратили свою мотивированность и функционируют как лексем с прямым ментальным значением. В частности, в субстантиве *ум* восстанавливается индоевропейский корень **au-* «воспринимать органами чувств», «понимать», тот же, что в рус. *явь, наяву* [Черных 1994: 289-290], а глагол *мыслить* восходит к индоевропейскому корню со значением «перемещаться, стремиться к чему-либо» [Черных 1994: 552] и т.д. Т.е. внутренняя форма лексем с прямым значением коррелирует с логикой современной метафорической номинации. Как писал В.В. Виноградов, «в синхроническом тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на будущее развитие. Следовательно, синхроническое и диахроническое – лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего – порыв в будущее. Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка – всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох» [Виноградов 1994: 17].

Генетически рассматриваемая образная система восходит к метонимии, которая, по словам Н.А. Илюхиной, «является одним из важнейших механизмов когнитивной деятельности и регулирует функционирование не только лексических единиц, но и единиц ментального уровня (ментальных моделей, образов, образов-схем)» [Илюхина 2002]. Процессы мышления, восприятия и ощущения в объективной реальности связаны причинно-следственными отношениями, поскольку ощущение предшествует восприятию: «термином ощущение обозначаются начальные процессы обнаружения и кодирования энергии физического мира. Отсюда следует, что *ощущения связаны с начальной стадией контакта организма с окружающей его средой...* [Выделено нами. – Е.Б.]. Что же касается восприятия, то оно является результатом психологических процессов, в которых задействованы такие понятия, как смысл, взаимосвязи, контекст, субъективная оценка, предшествующий опыт индивидуума и память ... Иными словами, восприятие представляет собой результат упорядочения ощущений и их превращение в знания о предметах и событиях физического мира» [Шиффман: 24-25]. Далее когнитивный цикл развивается от восприятия к мышлению и знанию.

Как показывает Национальный корпус русского языка, типичными являются конструкции: *увидел и понял/ подумал/ сообразил, что...; услышал и понял...; подошел к чему-либо и понял...; потрогал и догадался...* и под. В языковом сознании одно звено когнитивного процесса ощущение – восприятие – мышление опускается, и возникают конструкции, которые в синхронной плоскости мы оцениваем скорее как метафорические: *услышать в голосе предостережение; подойти к пониманию ситуации; ощущать умом, ощущающий ум; разум останавливался, слеп и глож* и под. Именно в фокусе метафоры осознается семантическая характеристика «контакт»: контакт – это *движение к..., достижение, нахождение, возможность увидеть, услышать, потрогать* и под. Например, ментальное значение таких выражений, как *мелькают мысли, проносятся мысли*, формируется на основе образов движения и зрительного восприятия. Это как бы движение как таковое, без возможности разглядеть движущий предмет, вступить с ним в контакт: что-то «*проносится, мелькает*», но это «что-то» не имеет зрительного наполнения.

На наш взгляд, сквозь призму организующего признака «контакт» можно совершенно иначе взглянуть на проблему сочетаемости метафорических моделей. Значительная часть метафор реализуется не от-

дельно – в одном метафорическом выражении одна метафорическая модель, а вместе – в одном метафорическом выражении несколько метафорических моделей. Например, в нашем материале примеры из НКРЯ: *Но мысль не слушалась, слеpla, глoхла и металась...* (В. Токарева); *Бледные, путанные мысли, воспоминания рвались, скрипели; ...кружащее блуждание немых чувств, мыслей...* (Л. Улицкая).

Подобная сочетаемость не воспринимается как «причуда стиля» именно за счет взаимодействия когнитивных признаков, в наших примерах – это признак «контакт». Размышлять, думать, понимать – устанавливать контакт: *искать, бродить, слегка приближаться, касаться, скользить, погружаться; слушать, видеть, чувствовать* и под.

Литература

Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В.В. История слов. Москва, 1994. С.17.

Илюхина Н.А. Роль метонимии в интерпретации концептосферы «Человек» (на материале ментальной модели «вместилище») // Вестник Самарского государственного университета. №3. 2002.

Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5 издание. СПб, 2003. С. 24-25.

Е.В. Выровцева (Россия, Самара)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Современный газетный текст как высшая единица коммуникации, как сложная система реагирует на изменения, происходящие в обществе, в журналистике, в языке. Назначение публицистики – исследовать и оценивать многогранность процессов, происходящих в современной действительности. Публицистический дискурс, «социально обусловленная организация системы речи и действия» [Совр. филос. словарь 1998: 249], предполагает производство и восприятие текстов в пространственно-временном континууме. Условием успешной реализации данного процесса является адекватность интерпретации заключенной в тексте информации адресантом и адресатом. Именно тексты СМИ в настоящее время стали основными «поставщиками» коллективного знания, медиа-вирус (Д. Рашкофф) превратился в потребность узнавать мир через газетный (в широком смысле) образ. Поэтому проблема интерпретации публицистического произведения представляется сегодня важной и актуальной.

Как известно, любой текст имеет уровень содержания и уровень выражения, причем автор и реципиент движутся навстречу друг другу: первый идет от уровня содержания (идея, смысл) к уровню выражения (слово и его значение), а второй – наоборот. Соответственно, успешность интерпретации зависит от того, насколько точно была выбрана знаковая система, в какой степени совпадают представления участников коммуникативного акта о значении того или иного знака. М.Ю. Федосюк пишет о тенденции признания «презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата» [Федосюк 1998: 3]. Однако совершенно очевидно, что абсолютное равенство в подавляющем большинстве случаев исключено, тем более, если речь идет о восприятии газетного текста, когда в роли адресата выступает массовая аудитория. А.В. Пузырев выделяет пять ступеней сущности текста (уровень мышления, уровень языка, уровень психофизиологии, уровень речи, уровень коммуникации) и делает вывод: «Точно так же как только в общении речь выражает не содержание, а личностно-ориентированный смысл – точно так же один и тот же текст существует столько раз, сколько раз его читали и воспринимали» [Пузырев 2007: 243]. При этом для публициста, актуализирующего социально значимые знания, особенно важно, чтобы его услышали и поняли смысл его «Послания» (Л.Е. Кройчик).

Публицистический текст относится к воздействию типу дискурса, для такого вида текстов характерны «политико-идеологический модус формулирования, социальная и авторская оценка, прагматическая направленность на адресата и определенная парадигма лингвистических стратегий и тактик убеждения» [Клушина 2007: 78]. Эстетика постмодернизма и условия конкуренции обусловили возникновение таких тенденций, как персонификация и персонализация текста [Кройчик 2010]. Одним из наиболее ярких проявлений этих тенденций следует признать интертекстуальность современной газетной публицистики. Под интертекстуальностью принято понимать включение в текст ссылок (цитат, реминисценций, аллюзий) на другие тексты [Ильин 2011]. Прецедентные тексты превращаются в определенный «банк данных»,